

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

«Спой мне, спой, Прокошина...» Это первая строка (она же — заглавие) стихотворения Михаила Васильевича Исаковского.

Вот и наша сегодняшняя встреча с ней, знаменитой солисткой хора имени Пятницкого.

Мы сидели с Александрой Васильевной Прокошиной в ее комнате с окном на Москву-реку. Разные-разные... И по возрасту, и по тому, как устроились друг против друга: я — спрашивать, она — отвечать. Еще некоторое время чувствуем напряжение от нашей очевидной несхожести. Но прошло время, и вот уже смотрим друг на друга глазами, однозначно блестящими... И не стесняемся легких, быстрых слез.

Она сказала, что родилась в восемнадцатом, через год после революции. Старое время неспешно вершило свои прежние дела в нишей калужской деревне Митинке, обманно завораживая неизменностью уклада. К одиннадцати годам Саня побывала и в вятках, и в батрачках, и в пастухах, повторяя путь своей матери Агафьи Алексеевны, неосознанно примеряясь к ее судьбе, готовая повторить все, от начала и до конца, не пропуская и сиротского базара невест, где выбрал Гашу в жены другой сирота — крестьянин Василий Прокошин. И как мать, что бы ни делала, пела ее голосом, ее словами, мягко выговаривая жизни за ее «неправдашкву...»

Позднее, уже ясными глазами комсомолки, взглянув на судьбу матери, запоздало жарко возмущалась: зачем же в песнях Митинки столько красоты, лебедушки, да серые гуси, черны ворон и тот красив, и зло, его — крылатое, роковое?!

— В песне хоронились, прятались, как объяснила мне мама. Все покрасивее придумывали — себе в утешение.

А потом уж сердце от радости красоты запросило: название колхозу дали мои земляки «Яркий луч» — вот как! Колхоз и школа появились в моей жизни рядом. И как помчалось время, к-а-к полетело, быстро, как в кино! В школу бегу ученицей, а оттуда — уже «учительской»; в деревенской избе организовали лякбез для взрослых. После занятий пела. Там и услышала меня учительница по-ботанике Прасковья Михайловна Бирюкова, кланяюсь ее праху...

«Как в кино...» — нынешнее кино время кажется долгим, медленно рассматривающим героя и его поступки. Иное дело — старые ленты, где тесно разномысленным событиям, где люди не идут, а бегут. Была у Сашиного времени быстрая, решительная походка.

Вчера услышала — сегодня написала сельская учительница в Москву, в хор Пятницкого: «Так и так. Талант. Саша Прокошиной должен принадлежать всему советскому народу». Распорядилась по-хозяйски! Собрали деньги на дорогу со всего села, отправили четырнадцатилетнюю одноклассницу в Москву на показ.

И как же быстро помчал ее поезд в столицу (первый в жизни поезд — всегда самый быстрый!), будто сама Москва подалась ей навстречу, с грохотом и шумом, вся в кумаче. К ее приезде?

— День был — второе мая. Прибыла я в Божениновский переулок, где обитал хор, ни жива, ни мертва. И петь-то не могу. Казымин Петр Михайлович, принявший хор от покойного своего дяди Митрофана Ефимовича Пятницкого, уговаривает: «Пой!» Молчу. Ну, говорит, чего без дела стоять. Показал на сундук кованный — вещи надо проветрить на майском ветру в палисаднике. Стала носить из сундука сарафаны цветастые, шущпаны, паневы, платки, полотенца с кочетями — имущество хора. А все родная одежда. Ну, и запела.

Оставили Сашу в Москве, в хор приняли, поставили как артистку-работницу на довольствие, жить — по малолетству — осталась в доме Казыминых. Училась в школе рабо-

чей молодежи и в студии хора. Была первой комсомолкой хора и комсоргом — все свои комсомольские годы.

— Мы с Казыминым все считали, сколько же песен я знаю. До двухсот насчитали, а я все вспоминаю, вспоминаю... Качалов у нас бывал, Леонов, Исаковский. Нежданова специально слушать песни мои приезжала... Композитор Владимир Григорьевич Захаров, он тогда молодой был, песни мои слушает — все ходит, ходит так порывисто. Потом пожалуется: не нравились ему его первые песни, написанные для хора. Я, говорит, тебе напишу, по твоему голосу, по твоему характеру...

«Вдоль деревни от избы и до избы зашатали горопливые столбы...» — вспомнил ее голос? Именно с этой песни и зазвез-

дите), а по обе стороны (как в окружении) — две одинаковые фотографии — ясноглазый танкист смотрит нежно и твердо...

— Всю войну этот иконостас с собой возил. Верит, что это и охранило... В мои годы девушки в военных все больше влюблялись, может, это предчувствие такое было, женское сострадание — скоро будет война главной работой их женихов?

Поженились мы с мужем в тридцать девятым, он к этому времени уже успел крылышки опалить: в гражданскую мальчишкой воевал, потом в финскую, и встретились мы окончательно только в сорок седьмом! Так две свадьбы и играли. А во вдовах все равно я как побывала — за всех попла-

АЛЕКСАНДРА ПРОКОШИНА

кала... Пою в госпитале, перело мной солдатик — ни рук, ни ног — самоварчиком. Сердце рвется: что же тут песне делать? Сквозь туман — вижу, улыбаются: ну хоть это!.. Дойдет какая случайная весточка от моего дрои, а в ней «...пой, Сашенька, пой!..»

Никогда еще не сердилась так на бумагу и перо: как песню передать?! Но есть такие, назовешь — и вот она, слушайте. «Ой, туманы мои, растуманы...»

Вместе с Валентиной Ефремовной Клодониной, подружкой, товаркой по хору, пели они эту песню. На пластинке из фонотеки Александры Васильевны читаю надпись. Сперва так деловито — «На память о совместной работе в хоре», а пониже и почерк изменился, как бывает с голосом: «Шурочке, украшению и гордости нашего хора. В. Клоднина».

Голос Прокошиной, народной артистки республики, лауреата Государственной премии, слышали и в Польше, и в Чехословакии, в Америке и Мексике, Дании, Швеции, в Канаде...

В ученицах у преподавательницы студии хора имени Пятницкого Александры Васильевны нынче двенадцать голосистых девушек...

— Учу петь, да каждую — своим голосом. А то приходят — одна Зыкина, другая — Прокошина. Вы, говорю, девочки, своей судьбе дорогу не перебегайте, себя слушайте, жизнь, которая вокруг вас.

Во время нашего разговора в комнату заходил юноша в военном кителе, сын Александры Васильевны, одиннадцатиклассник. Откуда китель? Отцова одежда...

Торжественно и громко объявила о приходе своем маленькая двухлетняя внучка бабушки Александры: «Маня пришла!». Бабушка заворковала над нею, говорила, как пела: «Перепелка ты, Марышочка, что ж ты рано вылетываешь...» — соскучилась: Александра Васильевна часто в разъездах — то в Липецк, помочь народному хору, то в гости к хористам в Пензу, то в Воронеж.

Еще у нее есть заводской хоровой коллектив на подмосковном заводе. Несколько лет на общественных началах вместе с дочкой — студенткой Гнесинского института руководила она деревенским хором совхоза «Белая дача».

— Молодежь сейчас много поет песен, охотно в хор идет. К старинной народной песне как бы заново вкус появился. В Тамбовской стороне крестьяне такую песню играли, «Шатер» называется: «На поле брани — шатер, во шатре — ковер, на ковре — раненый молодец...» Мои ребята заводские запели ее с таким чувством!..

...Я подумала, верны слова Александры Васильевны — петь своим голосом. И нет к этому короткой дороги. А как идти, если не примерять отпусские одежды, не петь материнские песен?

Это у них просят поэты — вдохновения, воины — победы, вдовы — утешения. А молодость — силы!..

М. ЧЕРЕДНИЧЕЖКО.

нед он на всю страну — высокий, чистый от природы, смелый от молодости, мягкий — по материнской линии. Докатил и до Митинки по радио. И когда приехала домой (на побывку хор отправил свою любимцу), спозаранку собирались женщины к дому Прокошиных. У всех руки заняты: в белых узелках — яички, масло, шанежки «на подpravку Гашиной дочке».

— А глаза у них какие были, ну словно я и есть ихняя дочка. Со всех сторон меня хвалят, да не за пение — петь-то они и сами мастерицы — за самостоятельность! Ты, говорят, Саша, фамилии своей, как замуж выходишь будешь, на мужчину не меняй, будь по своему — Прокошина: тебя уже все знают... А я их петь заставляла, хороводы водить, чтобы записать, чтобы ни одна-то их «лебедушка» не пропала, не потерялась... Они отмахиваются: «Не артистки мы! — смеются, жалуются. — Гаш, уйми дочку!» Артистки... Сколько перемев женщине в жизни назначено — и невеста, и мать, и там, глядишь, солдатка, а не дай бог, вдова.

Я с девчонками стала как-то перебирать: «Глядите, все радостные слова — женского рода, и песня — женского!..» Да меня остудили: «А война?»

С первого дня войны хор Пятницкого провожал эшелоны, уходившие на фронт. Перрон им был сценой, от эшелон хор отделяла толпа провожающих — стов, как сказала Александра Васильевна: слезы старались сдерживать, от этого и стоял стон, только детям было вольнее — плакали голосом.

Певцы поначалу себя не слышали, потом песня поднималась над стоном, обещала людям встречу, а на долгую дорожку — верность, а на поле боя — победу...

У Александры Васильевны счастливая судьба: ее муж жив остался, хоть и был военным человеком... Среди семейных фотографий увидел я такой триптих — к куску непромокаемой ткани крученой шелковой ниткой пришита фотография — Александра в цветастом платке (такой вы ее и ви-

«Комсомольская правда»
г. МОСКВА
* 8 МАР 1970